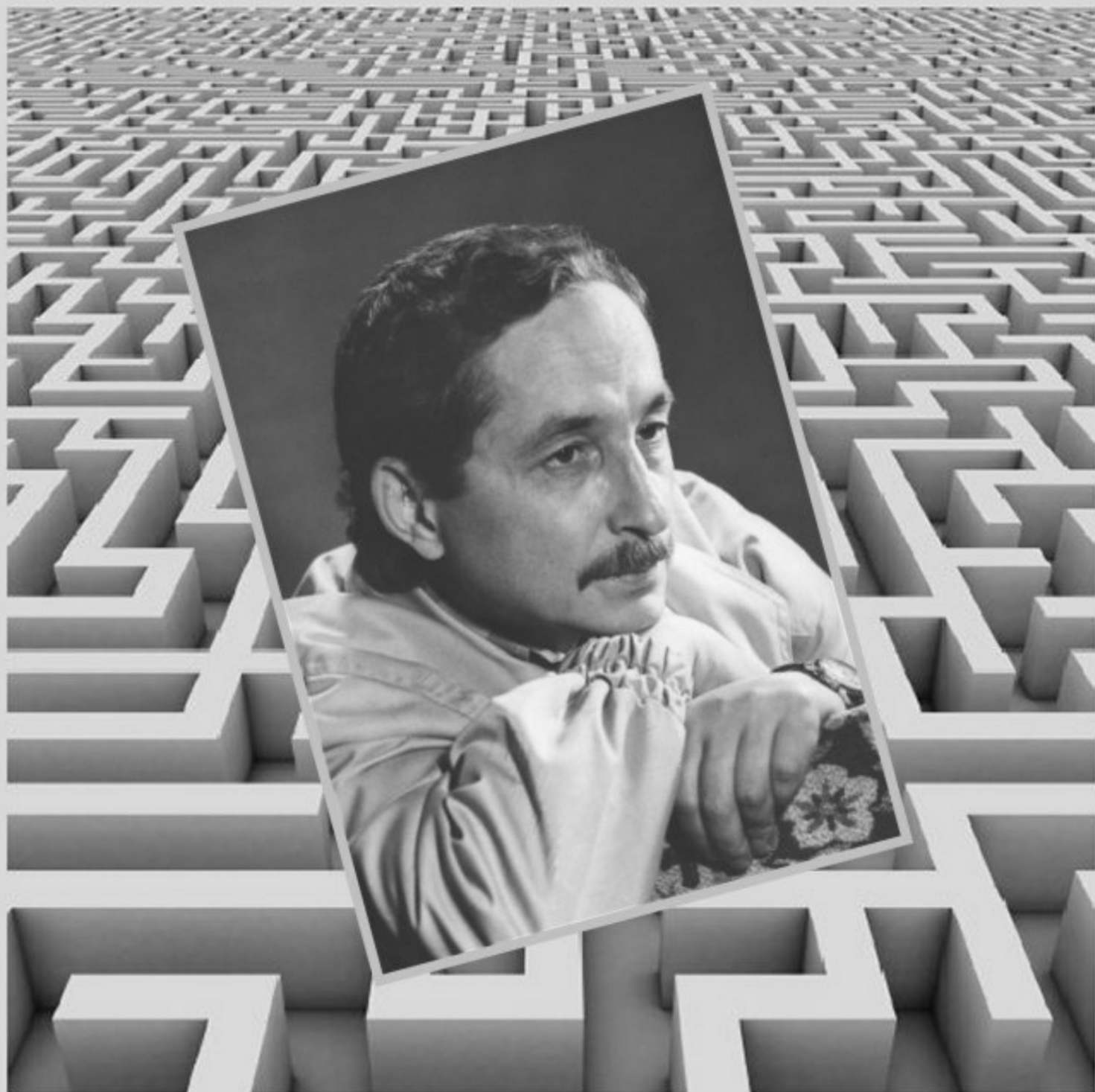

Николай Наседкин

ЛИТЛАБИРИНТЫ

12+

Николай Наседкин

Литлабиринты

«Автор»

2018

Наседкин Н. Н.

Литлабиринты / Н. Н. Наседкин — «Автор», 2018

В автобиографической повести «Литлабиринты» Н. Н. Наседкина (автора сборников «Осада», «Криминал-шоу», романов «Алкаш», «Люпофь», «Гуд бай, май...», энциклопедии «Достоевский» и других книг) речь идёт о мытарствах современного российского писателя в лабиринтах издательских, журнальных, театральных... Книга будет в первую очередь интересна тем читателям, которые сами мечтают, пробуют стать или уже стали писателями...

© Наседкин Н. Н., 2018

© Автор, 2018

Содержание

1. В «Москву»! В «Москву»!	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

1. В «Москву»! В «Москву»!

Ну, вот и сбылась мечта идиота: я опубликовался в толстом престижном журнале. Когда-то, на заре пресловутой туманной юности, в Сибири ещё, робко мечтая об этом, я говорил себе: вот напечататься в толстом столичном журнале и – умереть!..

Это – цитата из моего (потому и без кавычек) романа «Алкаш», выплеск эмоций героя-поэта, которого опубликовали наконец в Москве. Словечко «идиот» вставлено здесь, конечно, для снижения пафоса, для «чуть-чуть» самоиронии, но по существу оно довольно точно характеризовало суть ситуации и положение вещей. Мечтать провинциальному автору опубликоваться в «Нашем современнике», «Новом мире», «Москве», «Знамени», «Молодой гвардии» или «Октябре» – это мог если не совсем идиот, то уж очень наивный человек, безусловно. Это было не-воз-мож-но! Чтобы рукопись молодого никому не известного автора, да ещё и из глубинки в редакции столичного «толстяка» хотя бы ВНИМАТЕЛЬНО прочитали, для этого необходим был толчок, внешний мощный фактор – рекомендация, сопроводиловка, слово поддержки литературного мэтра...

Но и это ещё не гарантия успеха, отнюдь. Вот хотя бы в качестве наглядного примера довольно грустная история моих взаимоотношений с самым престижным в прежние годы журналом «Новый мир». Сохранилось в моём архиве пять «отказных» ответов из редакции этого журнала, первый ещё от 17 марта 1983 года, и во всех: *«К сожалению... Не заинтересовали... Возвращаем...»* И тут судьба подбросила мне явный шанс. Весной 1988 года в Тамбове, где я тогда уже жил, проходило выездное заседание совета по прозе Союза писателей РСФСР, приехали столичные литературные зубры во главе с главным редактором «Нового мира», именитым писателем С. П. Залыгиным. Естественно, я как заведомо пропаганды (так пафосно именовался отдел культуры) областной молодёжной газеты договорился об интервью с Сергеем Павловичем. И вот, когда мы разговорились с ним в гостиничном люксе, вдруг выяснилось, что мы чуть ли не земляки да ещё и в квадрате: столичный писатель когда-то жил и работал в Хакасии, где я тоже прожил почти двадцать лет, а дед и отец Залыгина, оказывается, родом с Тамбовщины... Ну и как-то так само собою вышло-получилось, что в итоге главный редактор «Нового мира» увёз с собой в Москву папочку с тремя моими рассказами.

Понятно, что какое-то время я ходил по улицам Тамбова, подпрыгивая и потирая ладони в предвкушении литературного триумфа. Для местных читателей и, тем более, сочинителей я был всего лишь журналистом, в лучшем случае, – литературным критиком, так как строчил на их нетленки рецензии в местной печати. А то, что прозу я уже писал и публиковал (пусть пока в газетах) почти два десятка лет, и мой рассказ уже чуть было не появился в журнале «Москва» (о чём у нас речь впереди) – об этом никто не знал и знать не хотел.

Короче, ходил я, напыжившись, по чернозёмным тротуарам, пока не получил очередной конверт из редакции «Нового мира» с фирменным бланком внутри: *«С. П. Залыгин прочитал Ваши рассказы и передал их нам в отдел прозы. Ваши рассказы в отделе прозы читали и обсудили. Вынуждены Вас огорчить, т. к. напечатать их мы не можем...»* И далее как бы извинительные подробности: конкурс у них большой, рукописей много, отбор «*весьма жёсткий*»...

Я огорчился, обиделся и объявил бойкот «Новому миру». О чём, разумеется, ни редакция, ни, тем более, Залыгин знать не знали и ведать не ведали. Жили себе спокойно, продолжали публиковать литературные шедевры, прошедшие «весьма жёсткий» отбор (если кто-нибудь почует здесь иронию – я не виноват!), пока летом 1991-го не получили очередной пакет от меня с двумя рассказами – «Осада» и «Четвёртая охота». Да, продержался я ровно три года. Но уж больно хотелось попасть-пробиться сразу в дамки. А тут и повод: написа-

лись-родились на свет из-под моего пера (точнее для тех лет – из-под шарика пластмассовой ручки) несколько совершенно новых во всех смыслах рассказов в русле жёсткой прозы, они уже, можно сказать, с триумфом прошли в областных газетах, были приняты к печати в один новый толстый журнал (который, увы, на втором номере застрял). И вот бедной и бессменной даме из отдела прозы «Нового мира», носившей титул «старший редактор» (фамилию трепать не будем), после трёхлетнего перерыва вновь пришлось отвечать настырному провинциальному непризнанному гению. И, то ли эта самая настырность чуть растопила сердце литдамы, то ли и правда она прочла внимательно тексты и отметила рост и прогресс автора, только ответ её на этот раз оказался более обстоятельным и не вполне уничижительным:

Уважаемый Николай Николаевич!

Рассказы ваши сюжетны, вы умело держите нить повествования в руках – драматургия в них развивается последовательно (завязка, кульминация и т. д.), что в новой прозе встречается не так уж часто.

К сожалению, содержание их – при том, что вы выпукло вырисовываете самочувствие современного горожанина: отчуждение, страхи, неприятие насилия и т. д. – не является открытием в текущем процессе. Пожалуй, рассказы ваши во многом угадываемы – ловишь себя на том, что читаешь их с тем, чтобы удостовериться в правильности того или иного предположения.

С другой стороны, вы явно обладаете пером. Как знать, может случится, что рано или поздно вы будете писать так, что будет н е в о з м о ж н о не публиковать вашу прозу. Пока же трудно подыскать существенные аргументы, опираясь на которые я бы мог рекомендовать редколлегии ваши рассказы...

Эти «вы» и «ваши» в письме почему-то с маленькой буквы и мужской глагол «мог» – остались для меня загадкой, которую, впрочем, я разгадывать и не желал.

Понятно, что я решил расплесться с неприступным «Новым миром» окончательно и навсегда и перестать тратить деньги на почтовые пакеты в его адрес. Но судьбе угодно было так распорядиться, что уже вскоре, буквально через год, мой отвергнутый рассказ «Осада» вновь очутился в редакции этого журнала. И, уж разумеется, не по вине моей безразмерной настырности и безграничной наглости. Совсем нет, я как раз автор более чем скромный – когда мне указывали на дверь, в окно я влезть не пытался...

А случилось вот что. Совершенно отчаявшись от, как мне казалось, сплошных неудач (хотя были и проблески-публикации), я 16 марта 1992 года, преодолев свою псевдоинтеллигентность, сел и написал письмо в Красноярск В. П. Астафьеву, к тому времени уже безусловному живому классику и мэтру из мэтров:

Уважаемый Виктор Петрович!

Уже несколько лет собираюсь обратиться к Вам, но, отлично понимая Вашу безмерную занятость, откладывал. Однако, вот решился. Бога ради, простите меня за отнимаемое время!

Дело в том, что Вы один из крайне немногих писателей, кого я уважаю в нынешней русской литературе. И ещё – что даёт мне смелость – мы с Вами в какой-то мере земляки: в детстве и молодости (до 24 лет) я жил и рос под Абаканом, в райцентре Белый Яр. Недавно похоронил там мать, но самые близкие, кровные, родственники живут и по сей час в Хакасии.

Мне уже под 40. В Тамбов попал по распределению после Московского университета. Сюда же вернулся и после Высших литературных курсов (тоже общая точка моей и Вашей биографий!), которые окончил в прошлом году. Я не член СП и поэтому на ВЛК учился в семинаре критиков.

А не член Союза писателей (да и не в членстве дело!) потому, что уже несколько лет бьюсь понапрасну лбом в бронированные журнально-издательские стены. Результаты унизительные: отрывки из повести в сборнике молодых в региональном издательстве да рассказ в журнальчике «Физкультура и спорт». Когда учился на ВЛК, вроде бы лёд тронулся, казалось, вот-вот и – шуга: одну повесть приняли в издательстве «Столица», рассказ – в журнале «Московский вестник». Но стоило мне уехать из Москвы, дело застопорилось напрочь.

Но я ещё продолжал трепыхаться. Однако ж, толку мало. Я даже года 2-3 назад предлагал свою повесть «Казарма» и «Енисею». Рукопись мне кое-как вернули почти через год с разбором Т. Воронцовой. Об уровне суждений этой дамы, «разобравшей» армейскую повесть, говорит хотя бы тот факт, что на пяти страничках её рецензии наляпано почти пятьдесят орфографических, лексических и разных прочих ошибок.

Но я всё равно продолжал бы рассылать рукописи (помня о судьбе Джека Лондона), если б при нынешних почтовых вздорожаниях редакции не перестали вовсе отвечать и возвращать рукописи. Полный тупик!

Виктор Петрович, я, конечно же, мало на что надеюсь, тревожа Вас. И тем более – Вы не редактор, не издатель. Но Ваше слово, Ваше мнение весомы в мире литературы. Да если даже и не практической помощи, то хотя бы одобрение услышать от Вас – и то легче станет дышать, вдохновеннее будет работаться. А то, ей-Богу, уже сил никаких нет. Я понимаю: Вы добились в жизни и литературе всего сами, но будьте снисходительны и к тем, кто послабже Вас в коленках, не имеет характера для долгой (бесконечной) борьбы.

Виктор Петрович, прошу Вас, просмотрите, пожалуйста, два-три моих рассказа. Может быть, это и будет тем чудесным случаем-толчком, который сдвинет наконец мою буксующую писательскую судьбу с места. Бог Вам за это воздаст!

Если Вы ответите согласием, я тотчас вышлю рассказы заказным пакетом и уж, само собой, оплачу все расходы по пересылке рукописи обратно.

Ещё раз очень и очень прошу – не гневайтесь на меня: решился обратиться к Вам после мучительных раздумий, уже в полном отчаянии.

Всего Вам наилучшего и главное – здоровья!

С большим уважением

Николай Наседкин.

Мало кто поверит (я бы и сам не поверил), но совсем скоро, 26 марта, я получил из Красноярска ответ:

Дорогой Николай!

Весь крик и стон твоей души слышу и понимаю, но думаю, что будет ещё хуже, вот беда-то!

Раньше лета прочесть твои рассказы не смогу. Я заканчивал первую книгу романа и сейчас меня качает и валит, проспал сегодня 12 часов, а голова всё не на месте. Раньше, когда был моложе, восстанавливался быстрее и легче, а сейчас...

За это время скопились вороха рукописей и читать я их смогу летом, когда уеду в свою деревню садить огород и попробую отдохнуть от работы, где-то в конце мая присылай рассказы. И не обижайся и не старайся оплачивать их пересылку, я не самый бедный литератор в России и на хлеб-соль, да на почту моего заработка ещё хватает.

Кланяюсь Виктор Петрович

(В. Астафьев)

Да, были люди в наше время! Напомню, что Виктору Петровичу уже шёл шестьдесят седьмой год, он, судя по его письмам тех лет, болел всеми какими только можно и нельзя

болезнями и к тому же, потеряв один глаз ещё в юности на фронте, надсаживал оставшееся око многочасовой работой за письменным столом (рождался роман «Прокляты и убиты») и чтением книг да чужих рукописей. В оправдание себе скажу, что, конечно, не знал тогда весь ужас со здоровьем Виктора Петровича, вероятно, и про глаз один-единственный его не знал – это уже потом, когда вышла посмертная книга его писем «Нет мне ответа...», все эти скорбные подробности стали известны и легли постфактум камнем на мою совесть. А тогда, я, конечно, воспарил, еле дождался конца мая и отправил в Красноярск два рассказа (в том числе и – «Осада», который считал на тот момент своим лучшим, своей визитной карточкой), а также небольшой отрывок из повести «Муттер».

И опять же стремительно скоро, 16 июня, получил ответ:

Дорогой Николай Н/иколаевич./!

Вернулся из Москвы, с так называемого съезда, так называемых писателей и малость отославшись принялся за рукописи, а их скопилось целая телега, да все рукописи-то дикие, самодеятельные. Чем хуже нам живётся, тем шибче исходит народ стишками, особенно пенсионеры. От одичания это, не иначе...

Рукописи Ваши вполне профессиональны, чисто написаны и я готов предложить рассказы в «Новый мир», хорошо бы три, уж так почему-то повелось давать небольшие рассказы подборкой. Хорошо бы Вы подослали мне ещё один или два рассказа, (чтоб выбор был) и не ниже по уровню, чем те, что я прочёл. Я со своей сопроводилкой зашлю рассказы в отдел прозы нашего, всё ещё очень требовательного журнала, и дальше уж помогай Вам Бог, но если «Н/овому/. Миру» не подойдут, можно подумать и о других органах, есть у меня кое-где знакомые, например, Леонид Бородин в «Москве», да вот сама-то «Москва», как и многие наши журналы, висит на волоске.

Комплиментов Вам никаких не пишу. Зачем они, твёрдо владеющему пером, человеку? Дай Бог сил, здоровья и терпения «отражать» эту дорогую действительность, да ещё в «осаде» бесхлебья, беззакония, всеобщего разгула, политиканства, воровства и <...>.

Жму Вашу руку и кланяюсь Вашим близким.

Виктор Петрович

(В. Астафьев)

Легко представить, как бесконечно перечитывал я это чудесное письмо от САМОГО Виктора (!) Петровича (!! Астафьева (!!!), как вновь воспарил я на крыльях надежд и мечтаний, как захмелел без вина, а потом, на радостях, и от вина. Почему-то ещё больше хмеля, помимо одобрительных слов о моей прозе, добавляло и то, что писатель-классик, в отличие от той дамы из редакции и от своего первого письма, вдруг стал обращаться ко мне на уважительное «Вы» с большой буквы...

Позже, 27 августа, В. П. Астафьев, остановив свой выбор всё же только на «Осаде», писал:

...«Осаду» вместе с двумя рассказами провинциальных авторов я отослал с предисловием в «Новый мир» и пока не знаю какое отношение тамошних лит. снобов, точнее изображающих оных, к этим материалам. Если не подойдут «Н/овому/. М/иру/.», рассказы передам в другой журнал, всё равно найду им место...

Но рекомендации Мастера так и не смогли пробить в «Новом мире» «снобизм», скорей всего, невзрачного человека со сказочно-былинным именем и почти славянофильской фамилией, который много лет рулил прозой в этом либеральном журнале. Он сам накропал десятка три романов (я начинал два-три читать – не одолел), учил в Литературном институте студентов мастерству, его то и дело упоминали через запятую в критических статьях о «московской прозе

сорокалетних» рядом с именами Владимира Маканина и Анатолия Кима, так что снобизм его имел толстые и основательные корни.

Отголоски напрасных хлопот Виктора Петровича обнаруживаются в его письме к литератору В. Болохову от 24 ноября 1992 года (оно, как и одно из посланий ко мне, также опубликовано в книге «Нет мне ответа...»):

Вот перечитал телегу рукописей, выловил из того воза три талантливейших рассказа и со своим предисловием отправил в “Новый мир”, увы, их там не приняли, и я передал рукописи в другой журнал...

Я же теперь уже окончательно и бесповоротно избавился от мечты опубликоваться в «Новом мире», осиянном именем великого Твардовского и бывшей славой флагамена советской литературы, но в 1990-х становящемся крайне либерально-демократическим, прозападным и тенденциозным изданием. Всё же я понял-убедился окончательно, что, несмотря на свой нейтралитет и нежелание примыкать к какому-либо лагерю двух враждебных направлений в нашей литературе, мне всё же ближе «почвенники-патриоты», чем «либералы-западники». Тем более, что с юности уже я был «человеком Достоевского». И вот теперь, по сути, подводя жизненные и творческие предварительные итоги, я даже благодарен судьбе за то, что в своё время не опубликовали меня ни «Новый мир», ни «Знамя», ни «Октябрь» – втянулся бы я в эту компанию и, глядишь, ходил бы сейчас с белой ленточкой на груди и мечтал о том, чтобы Запад усилил санкции против России... Бр-р-р!

А история моих взаимоотношений с «Новым миром» закончилась всё же на мажорной ноте: в его 7-м номере за 1995 год в обзоре периодики А. Василевский (будущий главный редактор) среди заметных публикаций прозы в «Знамени», «Гранях», «Звезде» и прочих либеральных журналах отметил и мою повесть «Прототипы», которая появилась в февральском номере «Нашего современника». И это дорогого стоит: демократический «Новый мир» в те годы уже в упор не замечал народно-патриотический «Наш современник».

Ну а В. П. Астафьеву я, несмотря ни на что, остался благодарен на всю жизнь. О чём свидетельствует пылкое письмо, вложенное в бандероль с первой моей книгой, которую послал я 8 декабря 1993 года в Красноярск:

Виктор Петрович, здравствуйте!

Случилось невероятное: вышла моя первая книжка – да ещё и в таком «красивом» виде. И Вы, Виктор Петрович, имеете к этому самое прямое отношение.

Когда летом прошлого года Вы по-доброму оценили мой рассказ «Осада» и даже вознамерились предложить его «Новому миру», я воспринял это...

Да что там объяснять! Я так вдохновился и чуть поверил в себя, что решился, собрал рукопись в 33 листа (практически всё из серьёзного мною написанного) и, назвав сборник «Осада», предложил московскому издательству «Голос». Конечно, сыграло роль, что командует в «Голосе» бывший тамбовчанин, и поэтому рукопись мою прочитали. И вот результат: в феврале они мне предложили договор, а неделю назад книга уже вышла. Правда, одну повесть всё же вынули, но разве можно об этом горевать!

Итак, Виктор Петрович, очень и безмерно благодарен Вам за поддержку в самую трудную для меня минуту, за доброе слово! Только что прочитал в Вашей книге «Посох памяти» (купил в «Букинисте»), что Вы не любите навязчивых людей, но я не могу представить себе, как бы это я не подарил Вам свою первую книгу.

Прошу не обращать внимания на рубрику «Современный детектив» на обложке, моя проза к этому жанру не имеет никакого отношения, это уж издательство для рекламы приобсачило. Разумеется, не надеюсь, что Вы читаете всю книгу (тем более, что несколько

рассказов знакомы Вам по рукописям), но если когда-нибудь будет скучная свободная минута, а под рукой не окажется другой книги, то посмотрите повесть «Муттер» – там жизнь моей матери, отчасти моя, действие происходит в основном в Сибири, под Абаканом.

Ещё раз простите за беспокойство!

С большим уважением и благодарностью!

Николай Наседкин.

* * *

Но ещё характернее и, может быть, поучительнее история моего романа с «Москвой». Если, опять же, продолжить тему «блата» и самотёка – каким путём легче пробиться рукописи провинциального и неизвестного автора в толстый авторитетный столичный журнал.

Фирменных бланков с записками-отписками из «Москвы» в архиве моём сохранилось четыре. Первый имеет дату 26 июня 1989 года, однако в тексте сказано: *«В ответ на Ваше письмо сообщаем, что рассказы (четыре) были возвращены Вам 16.9.88 г. с письмом литконсультанта Попова Н. П. заказной бандеролью»*. Увы, драгоценное письмо литконсультанта (надо полагать – с рецензией-отзывом), получается, до меня не дошло, хотя почта в те годы работал ещё вполне добросовестно. Но что в том отзыве тов. Попова могло быть написано – представить не трудно: подобными литконсультантскими разборами забита в моём архиве толстая папка.

Разговор не о том. Получается, что уже в 1988 году редакция «Москвы» имела счастье узнать о моём существовании. Хотя, думаю, я и ранее озадачивал «московских» литконсультантов и сотрудников отдела прозы своими литпотугами. Ну не мог же я, пробуя пробиться в «Новый мир» с начала 1980-х, не пытаться достучаться параллельно и в «Москву» («Наш современник», «Молодую гвардию», «Юность» etc.). К тому же, бывало, я и лично заносил рукописи в редакции, а потом забирал обратно – в годы учёбы на журфаке МГУ (1977—1982) и позже, когда жил уже в Тамбове и наезжал то и дело в столицу (что нам в молодости – ночь в плацкарте!). Помню, как однажды, поднимаясь по крутой скрипучей лестнице (редакция «Москвы» располагалась на втором этаже старого арбатского дома), я столкнулся с человеком, в котором сразу узнал тогдашнего главного редактора журнала Михаила Алексеева. Ещё бы не узнать! Герой Соцтруда, лауреат Государственных премий, редактор популярного журнала – это ладно, но Михаил Николаевич без дураков был известным и, можно сказать, народным писателем в те годы, его романы «Вишнёвый омут», «Ивушка неплакучая», «Драчуны» и другие издавались миллионными тиражами, читались, экранизировались... Ответив на моё почтительное «здравствуйте», мэтр вдруг остановился и доброжелательно поинтересовался, мол, по какому поводу я осчастливил редакцию своим визитом? Я, воспользовавшись таким благоприятным случаем, уже возмечтал было всучить главному редактору свои литературные поделки, которые нёс под мышкой, заимев тем самым подарочный шанс на успех предприятия, и робко квакнул: вот, дескать, рассказы принёс...

– А-а-а, это вам, голубчик, в отдел прозы надо, – опять же благодушно сказал Алексеев и в добром настроении продолжил мимо меня сошествие по лестнице.

А я, тяжело вздохнув, безнадежно продолжил восхождение на второй этаж в неприступный отдел прозы.

К слову здесь упомяну, что и в редакциях других журналов доводилось мне сталкиваться мимоходом с главными редакторами, но всякий раз свой шанс я не использовал – не решался, образно говоря, взять главреда за горло и заставить лично прочесть мои опусы. К примеру, Григорий Бакланов, капитан «Знамени», на ходу ответил на моё приветствие в дверях редакции (он выходил, я входил) и, даже и не подумав остановиться (а я-то, избалованный Алексеевым, наверняка этого ждал!), побежал дальше – то ли новую военную повесть писать, то

ли выбивать для журнала помещение попросторнее (в ту пору «Знамя» ютилось во флигеле Литинститута)...

А вот с Анатолием Ивановым, бессменным многолетним редактором «Молодой гвардии», я однажды даже в лифте поднимался несколько этажей в их журнальном небоскрёбе на Новодмитровской. Редактор комсомольско-молодёжного журнала был уже довольно стар, лет под шестьдесят, грузен и, в отличие от Алексеева (которому автор романов «Вечный зов» и «Тени исчезают в полдень» не уступал в регалиях и славе), суров на вид. Может ещё поэтому мне и мысли не пришло подступиться к нему с моими машинописными рукописями. Я только робко поздоровался, он как-то строго ответил, и мы, посапывая каждый в своём углу (я тихо и застенчиво, он громко и сурово), благополучно доехали до «молодогвардейских» высот. Там литгенерал отправился в свой царско-редакторский кабинет, а я – в неприветливый отдел прозы...

Но вернёмся к «Москве». Невероятный, просто сказочный шанс появиться со своей прозой на страницах этого чудесного журнала и сразу заявить о себе на весь Советский Союз появился у меня совершенно неожиданно. Как уже упоминалось, я более-менее активно занимался литературной критикой. Началось это ещё в студенческие годы, когда я на втором курсе начал посещать спецсеминар критики Валентина Дмитриевича Оскоцкого. Критические дела мои продвигались неплохо, я уже довольно регулярно публиковал рецензии и литобзоры в популярном еженедельнике «Литературная Россия», одна моя большая рецензия, по сути критическая статья была опубликована в журнале «Литературное обозрение» – для критиков это всё равно что «Новый мир» для прозаиков и поэтов.

И вот «ЛитРоссия» осенью 1986 года делегировала меня на Всероссийский семинар молодых критиков, который проходил в Доме творчества писателей в Дубултах. Почему молодые критики России собрались на семинар под Ригой – в то время вопросов не вызывало: дома творчества Союза писателей СССР имелись во всех союзных республиках – где хотели, там и собирались. Я попал в группу очень именитого и авторитетного критика Анатолия Ланщикова, а в ассистентах у него был не менее известный Сергей Лыкошин.

И вот здесь вновь придётся коснуться темы противостояния и разделения в литературных кругах. В те перестроечные годы всё более разгоралась в литературе нашей борьба между двумя лагерями-группировками, которая привела в конце концов к расколу Союза писателей, к грязной и шумной принародной драчке. Уже возник тогда, как альтернатива Союзу писателей, пресловутый либеральный «Апрель», который и начал всю эту литбузу...

Так вот, с Ланщиковым, конечно же, приехали в Юрмалу его ученики – московские мальчишки-критики, которые играли в новых славянофилов и числили-почитали Анатолия Петровича своим учителем, наставником, гуру. В первый же день, поднимаясь с ними в лифте, я услышал, как один из этих снобствующих столичных дарований язвительно изрёк, кивая на меня:

– А вы знаете, друзья мои, что вот этот наш коллега – выученик самого Оскоцкого?

Признаться, я не нашёлся что ответить, только постарался потвёрже глянуть в глаза насмешнику, а его сотоварищи от меня явно отодвинулись. Ну ещё бы! Валентин Оскоцкий как раз и был одним из создателей и лидеров русофобского «Апреля», да и прежде примыкал всегда к либеральному крылу в советской критике. (К слову, и вся кафедра литературной критики на факультете журналистики Московского университета, где Валентин Дмитриевич работал, а я защищал диплом, – была по духу западнической, демократической, крайне либеральной.) Так что и реплика юного сноба, и явное отчуждение семинаристов-сотоварищей вполне были мне понятны. Но я и предчувствовал, что они шибко удивятся, когда узнают меня поближе и познакомятся с моим творчеством.

Так и случилось. Когда через неделю подошла на семинаре моя очередь обсуждаться, все выступающие и руководители чуть не в один голос признавались, что мои скромные плоды

критического вдохновения их удивили и приятно поразили, и особенно – серьёзное литературоведческое исследование «Герой-литератор в мире Достоевского». И это вполне логично! Ведь это была моя университетская дипломная работа, которая рождалась в жёстких непримиримых спорах с руководителем диплома критиком Игорем Виноградовым (будущим редактором «Континента»!), и меня с ней чуть было на защите не завалили на моей родимой либерально-демократической кафедре...

Короче, в Дубултах я с триумфом был признан как перспективный русский критик и реабилитирован как достоевсковед, новые друзья-товарищи мне улыбались и ласково похлопывали по плечу. Но мне этого было мало. Я-то ведь не случайно прихватил с собой в Прибалтику и папочку с рассказами. А вдруг? И это «вдруг» вот так прекрасно обозначилось-наступило. Дело в том, что Анатолий Петрович Ланщиков, подводя итог обсуждению моих критических опусов, сказал волнительную для меня вещь: мол, критические тексты Николая несут в себе признаки прозы, они зачастую строятся по законам прозы, и, дескать, не исключено, что когда-нибудь мы услышим о Наседкине-прозаике...

Ну как было после такого не признаться в своих писательских потугах и не вручить Ланщикову драгоценную папку с рассказами? Вручил. И...

Ей-Богу, сейчас слёзы выступят при воспоминании! Вечером того дня в дверь нашей комнаты, где мы с моим товарищем-соседом скромно обмывали мой критический триумф бутылочкой местной водки (замечательно вкусной – нигде я больше не пивал такой вкусной водки, как в Риге), – так вот, в дверь нашей комнаты постучали. Водку мы убрали (горбачёвский сухой закон в разгаре!), я открыл дверь – Ланщиков и Лыкошин с моей папочкой в руках. И вот следующие четверть часа – одни из самых счастливых минут в моей жизни. Я слушал сладкие слова уважаемых столичных критиков о моих прозаических опытах, что-то лепетал в ответ и потом, ошеломлённый финалом нашей беседы, чуть вообще не потерял дар речи. Анатолий Петрович Ланщиков сказал:

– Я сейчас готовлю как составитель шестой номер «Москвы» на следующий год, где будут только молодые. Вы не против, если я включу ваш рассказ «Супервратарь» в этот молодёжный номер журнала?..

А Сергей Артамонович Лыкошин, который был ответственным редактором «Библиотеки журнала “Молодая гвардия”», в свою очередь, огоршил:

– Папку с рассказами я забираю – в следующем году издадим в нашей «Библиотечке» вашу книжку...

Домой в Тамбов я летел на крыльях мечты по страшенной поднебесной выси. Образно, конечно, говоря. На самом же деле я почти сутки трясся на жёсткой верхней полке поезда «Рига – Воронеж», не замечая грязи, холода, пьяного гама в вагоне, моросливого дождя пополам со снегом за мутным стеклом, и грезил о славе. Неужели я – писатель?.. Я фантазировал о журналах, о книгах, об интервью и автографах...

Впрочем, чего уж тут рассусоливать – понятно же, что всё в тот раз мечтаниями и кончилось. Сперва заколдобило проект с книжкой рассказов в «Библиотеке “Молодой гвардии”». Уже в начале следующего года С. Лыкошин перешёл работать на другое место, но книжку мою в план издания поставить успел. Пару раз мы ещё по телефону общались, раза два я, бывая в Москве, заглядывал к нему лично, Сергей Артамонович каждый раз звонил в «Библиотеку журнала “МГ”», выяснял, как там дела с книжкой Наседкина, ему каждый раз новый редактор отвечал, что всё нормально, книжка ждёт своей очереди...

Так, бедная, и не дождалась!

С «Москвой» надежда теплилась почти до самого финала истории. Беловую распечатку рассказа «Супервратарь» я сразу по приезде домой из Риги изготовил и отправил Ланщикову. Июньский номер сдавался в типографию примерно в начале апреля. В конце марта я позвонил Анатолию Петровичу, услышал от него, что всё идёт прекрасно, номер с моим рассказом

составлен и вот-вот будет сдан в производство. Я, задыхаясь от избытка чувств, горячо поблагодарил мэтра и попросил оставить для меня в счёт гонорара аж двадцать экземпляров драгоценного журнала...

Ну чего, опять же, размазывать – не судьба: как потом объяснил мне Анатолий Петрович, вдруг, в последний момент сменился редактор отдела прозы журнала, и новому шефу дватри произведения в подготовленном номере дебютантов категорически не понравились, в том числе и мой «Супервратарь». Скорей всего, этот новый зав. прозой был, что называется, святее папы римского. Вернее, патриотичнее и, если можно так выразиться, славянофилее Ланщикова и его, конечно же, не устроил рассказ «из западной жизни» с героями, носящими имена Боб, Дик, Фреди...

Кстати уж упомяну ещё раз, что многострадальный мой «Супервратарь» через три года должен был появиться в новом толстом журнале «Московский вестник». Рассказ принял к публикации сам главный редактор журнала Владимир Иванович Гусев (в семинаре которого я в то время учился на Высших литературных курсах), его одобрили в отделе прозы, поставили в ближайший номер и...

Не вышел! Не напечатался!! Застрял!!! Сначала его передвинули, по срочным редакционным причинам, в следующий номер, потом в последующий...

Уже в Тамбов, когда я и ВЛК год как окончил, мне на мой отчаянный запрос ответил первый зам. главного редактора: *«Ваш рассказ действительно одобрен редколлегией. И, естественно, будет напечатан... “стреляться” не торопитесь... “Супервратарь” – это интересно!»*

Увы и ах! К тому времени рассказ уже был опубликован в двух газетах, в журнале «Физкультура и спорт» (тираж – почти полтора миллиона экземпляров!), позже в двух моих сборниках, а вот «толстяка» в его судьбе так и не случилось. Но, и правда, не стреляться же из-за этого?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.